

западного, поживши».⁷⁸ В беседах с Павлом Негребецким он подверг сомнению истинность писаний святых отцов: «Отцы святые таковы же человеки, яко же и мы, могли в писании погрешити».⁷⁹ В «Риторике» он обращает внимание на противоречия в книгах «священного писания», и, хотя сначала обвиняет «надутых в своей мудрости еретиков» в том, что они на этом основании «чинят раскол», в другом месте сам объясняет существование ересей несогласием между Ветхим и Новым заветом.⁸⁰ Говоря об обетах, данных богу, Белобоцкий осуждает «безумные» обещания и, приведя в пример обет библейского Ефаима (Иефайи), принесшего в жертву богу дочь, приходит к выводу, что такие обеты «лучше ... преступити, нежели исполнити».⁸¹

Наиболее полно религиозные воззрения Белобоцкого изложены им в разделе «Риторики», посвященном вопросам о мучениках. Указав, что мученики могут быть божиими (за истинную веру) и дьявольскими (за ложную веру), он выступает сторонником веротерпимости: «Мученики же дьявольские не за веру истинную, но или за идолопоклонение, сиречь за веру в идолы свои, или за оборону ересей и расколов в вере, или за хулу и поругание веры благочестивой мучение принимают. Яко делалось недавно во многих царствах, но наипаче в Гишпании, гоня жидов, языков, сарацынов огнем, мечем, водою, аще кто неверия своего не отстал. После усумнившиеся в жестокости своей царя, довольно быти судими, кроме всякого мучения, таковых за рубеж царства своего изгоняти, но и тако не свободися от усумнения совесть их.

«Егда убо место жидов и языков неверных новыя расколы в вере христианской воссташа, ов убо римскую веру выславляя, инной греческой держался, сей арианскую, инной савелианскую и протчая ереси разсева, един люторскую веру во многие царства ввести кусился, другой и сию самую, Кальвином исправленную, проповедал: тогда абие междоусобная воссташа брань, ревность, ненависть, гонение, мучение, и всяк в своей вере умирающий, чаяя иже неповинно за бога и веру его истинную мучения принял. И ныне в церквах своих за мучеников почитаемы суть».⁸²

Людей, умирающих за свою веру, притом веру христианскую, Белобоцкий не решает назвать «дьявольскими мучениками»: «Мне мнится, приличнейше их не полагать между мучениками, нежели нареши их мученики дьявольския. Наипаче же не суть сущие еретики, аще и спорны себе, греки и римляне ... Инако несть ли безумие, сих, иже в Индии в Африки, и в протчих царствах Христа проповедают и за него мученическую смерть принимают, или овых, которые в пространних турецких землях гонения и страдания за того же Христа и его веру приняли, — для ради разлучения между греками и римлянами междоусобно нарицатися дьявольскими мучениками».⁸³

Истинную веру Белобоцкий видит во внутреннем отношении к богу, о чем говорит здесь же в не лишенных таинственности и не вполне ясных выражениях: «Никто не может рещи сие слово Иисус, разве в душе святем, удобнейша же есть рещи сие слово Иисус, нежели за имя его страдати. Но и оныя словеса не без тайны». Вообще Белобоцкий в сочинениях своих держится осторожно; свое рассуждение о мучениках он сопровождает оговоркой: «аз убо рассуждение мое о сем покорю церкви святой». Но разъ-

⁷⁸ Там же, лл. 66 об.—67.

⁷⁹ Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантизма в России, ч. I, стр. 200.

⁸⁰ БАН, Арх., С. 149, лл. 109, 290 об.

⁸¹ Там же, л. 137 об.

⁸² Там же, лл. 76—77.

⁸³ Там же, л. 77—77 об.